

Александр Куриганов

РАЗНОЦВЕТЬЕ

Стихи



Составитель: М.А.Атанова
Комп.верстка, дизайн: М.Н.Дамбуева
Комп.набор: В.Т. Дамбуев
Отв. за выпуск: В.Т.Петрова

Куриганов,А. Разноцветье: Стихи/Александр Куриганов; Вступ.ст.Е.Доржиева.-Кутулик:МБУК
«МЦБ им.А.В.Вампилова», 2014.- 72 с.-фото.- (серия «Самородки Алари»)

*Администрация МО «Аларский район»
Комитет по культуре
Районный Совет ветеранов
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная
библиотека им. А.В.Вампилова»*

Серия «Самородки Алары»

Александр Куриганов

РАЗНОЦВЕТЬЕ

СТИХИ

Кутулик, 2014 г.



ВЕРНУСЬ

*В светлой памяти свято храним
Я к потопкам вернусь через вечность.
Но сегодня я ветром гоним
Удаляюсь в свою неизвестность.*

*И за мною плывут облака,
Обогнув океаны и горы.
Я с друзьями прощаюсь пока,
Молчаливо веду разговоры.*

*Не сломясь, непокорный бунтарь,
Но сейчас никому я не нужен.
Через вечность вернусь я в Аларь
И устрою торжественный ужин.*

От составителя

Всем известна простая истина: поэты приходят и уходят. Но творения их остаются навсегда. Александр Владимирович Куриганов оставил после себя большое литературное наследие. Отдавая долг перед памятью журналиста, поэта, литературный клуб «Самородки Алари» совместно с районным Советом ветеранов выпустил сборник его стихов «Разноцветье», об издании которого он давно мечтал. В сборник вошли ранние стихи и стихи, написанные в последние годы жизни.

... Пройдут годы и, возможно, кто – то возьмет в руки этот сборник стихов кутуликского поэта А.В.Куриганова, прочтет их и скажет: «А все – таки как богата Аларская земля самобытными талантами!»

ЧЕЛОВЕК. ПОЭТ. ЖУРНАЛИСТ.

Родная земля со звучным, звонким красивым названием «Аларь», пришедшая к нам вместе с древней легендой... Она всегда в сердцах людей, живших и ныне живущих за всю многовековую историю. Не счесть, сколько на ней выросло талантливых сынов и дочерей, в этом большом, наверняка, никогда нескончаемом списке есть имя человека доброй и светлой души, писателя, поэта, журналиста Александра Владимировича Куриганова.

Родился 18 июня 1937 года в д.Балтуй, в простой крестьянской семье. Рано остался без матери, а затем отца – фронтовика, инвалида. В таких трудных, непредсказуемых случаях иных людей бросает за борт, других, оказавшихся стойкими, упорными движет вперед, они ищут свое место под солнцем. А Саша Куриганов шел, преодолевая одну за другой преграды, пока не нашел то, что искал. И что стало смыслом его жизни. Закончил Нельхайскую среднюю школу, именно здесь проснулся его поэтический дар – его стихи печатались в школьных стенгазетах. Эта робкая, юношеская проба пера стала началом большого творческого пути. После школы не было средств учиться дальше, надо было думать о хлебе насущном. Он остался в колхозе, возглавил комсомольско – молодежное звено по возделыванию кукурузы, а когда удавались редкие минуты отдыха писал стихи о людях колхозного производства. Их печатала районная газета.

Но молодость с ее романтикой, желанием испытать свои силы и возможности в иных условиях, позвала его в дальнюю дорогу – по комсомольской путевке уехал на Север, в Бодайбинский район, на золотые прииски. Оттуда ушел в армию, три года службы прошли недаром – повзрослел. Возмужал. Не забывал писать. Был членом литературного объединения войсковой части. После демобилизации в 1961 году поступил на филологический факультет госуниверситета, на впервые открывшееся отделение журналистики. Выходит, что после долгих поисков и скитаний он определился в своем выборе – чему посвятить жизнь. Все - таки творческая натура в нем побеждает. На одном из листов в клеточку в его архиве я прочитала: «В жизни есть призвание, врожденный дар. Я рано, еще в детстве знал, чего хочу, куда пойду, но другое дело приду ли... плохо учил точные науки, все мои поиски в жизни так или иначе связаны со «словом». Александр был прав, он нашел то, что искал. Пять студенческих, нелегких лет, когда школьные знания позабыты, и со стороны никакой помощи, а надо идти вперед, целиком и полностью полагаясь на себя. Но он все выдержал, преодолел, окончил университет, стал дипломированным журналистом. По направлению Александр Владимирович едет в село Шарыпово, что в Красноярском крае, открывать новую районную газету. Малая родина всегда в сердце человека, она не дает покоя, зовет, ждет. А.В.Куриганов с семьей возвращается в Кутулик, где до самой пенсии проработал журналистом в районной газете.

Александр Владимирович был образованным, эрудированным человеком, в своих трудах размышлял о себе, о людях, о творчестве, о времени, которое ушло и наступило, без сожаления, недовольства – окружающий мир воспринимал таким, каким он есть. У него была своя «философия» жизни – собственная, глубоко личная, проверенная, испытанная временем, где нет пафоса, фальши – все правдиво, искренне, открыто. Есть два изданных сборника стихов: «Душа болит», «Дарю, что помню», сборник «Разноцветье» так и не увидел свет при его жизни. Дело в том, что он был человеком скромным, как обычно говорят «непробивным». Не умел просить, не имел «протекции» в высоких инстанциях, хотя с большим уважением, одобрением отзывались о его творчестве известные иркутские писатели, поэты: Ким Балков, Ростислав Филлипов, Андрей Румянцев, которые считали его стихи самобытными. А вывела Александра Куриганова на большую литературную дорогу поэтесса Елена Жилкина, которую называли «иркутской Ахматовой». Трудно ли писать стихи и быть поэтом? На этот вопрос он отвечал: «Если было бы легко писать, то многие стали или считали бы себя поэтами. О том, что такое творчество, лучше Библии не скажешь: кровь, пот, слезы». Он ценил, уважал, почитал творчество А.Пушкина, С.Есенина, К.Бальмонта. Прошло восемь лет, как Александр Владимирович ушел из жизни, не исчерпав свой потенциал, ведь у творчества нет возраста, конца и края. Но аларцы его помнят и будут помнить. Люди с искрой творчества, божьим даром появляются на земле редко, важно заметить, понять, оценить их вовремя, при жизни, но если мы не сумели это сделать, то надо, нужно бережно отнестись к их труду, чтобы он стал достоянием родной земли.

Е.Н. Доржиева

ЗЕМЛЯ РОДИМАЯ...

Отцовская земля

Земля родимая. Отцовская земля.
Сосняк с родным улусом по соседству.
И пойма Ангары, крик звонкий журавля -
До боли здесь все дорого мне с детства.
О, как люблю я даль желтеющих полей,
И всполохи зари, и утро голубое,
К реке на водопой сбегающих коней -
И все слилось в единое мое родное.

1955г.

Утро

Горит рассвет над Ангарою,
Пылает лес в огне.
И пахнет вспаханной землею
В родимой стороне.
Покурят трактористы кругом,
Ударят пускачи.
Пойдут за нашим новым плугом
Вышагивать грачи.
О. край родной! В работе жаркой
Душа моя поет!
И, кажется, что солнце ярко
Из борозды встает.

1955г.

X X X

В ночной тиши светящейся далеко
До ясных зорь костер горит.
К костру уж запоздалый одиноко
Усталый путник поспешит.
Расскажет он чудесную балладу
Про милый, светлый, дальний край.
Под говор тихого ручья в награду
Гори костер, не угасай.

1956г

Моя Сибирь

Родимый сердцу уголок
Мне неизменный никогда.
Я чувства добрые сберег
В часы веселого труда.

Люблю зимой в морозный день
Дымок далеких деревень.
Люблю в их праздники гулять,
Там спеть и вдоволь поплясать.
Люблю Отчизны милый край
Простор моей родной земли
Люблю весенний месяц май,
Когда летят к нам журавли.
Люблю траву, лазурь небес,
Вдали росой умытый лес,
За перелеском косогор,
Порой чарующий мой взор.
Шумите, тучные хлеба!
Мой дом стоит над Ангарой.
И в нем живет моя судьба,
Смеется, радуется собой.

1955г.

Широка Сибирь

Как широка Сибирь,
Земли свободной ширь,
Простор полей и рек.
Довольный дровосек
Про вольный труд поет.
Моя Сибирь зовет
На стройку Братской ГЭС,
Где едкий дым костра
Окутал шалью лес,
Где только, что вчера
Шел бездорожьем зверь
К реке на водопой.
И ты пойдешь измерь
Сибирь, как есть, такой.

1955г.

В родном краю

Уж осыпают листья тополя.
Необозримы вдалеке поля.
И над желтеющим полотнищем земли
Туда-сюда снуют степные корабли.
И над рекой шумит зеленый бор.
Веду с березой тихий разговор.
По падам, по равнинам разбрелись стада.
Под тяжестью поют и стонут провода.
Сибирь родную всюду узнаю
И в грохоте сегодняшнего дня,
Во всем, что я бы сделал здесь в родном краю
И что тревожит и уносит вдалеку меня.

1955г.

На полевом стане

Клокочет гречневая каша
В котле как будто под хмельком.
И бойко повариха наша
Её мешает черпаком.
 И ни души кругом. Случайно
 В стан донесется стук комбайна
 И шум машин. И снова тихо.
 Она проворна и быстра,
 В домашнем платье повариха
 С утра хлопочет у костра.
Покой забыли мы. Короче,
Остынет ужин на столе,
Упорно трудимся до ночи,
Чтоб хлеб сполна убрать с полей.
 Её, как нас, тревожит тоже
 Хоть дел у ней невпроворот.
 А не дождавшись нас, быть может,
 Она украдкою вздохнет.

1956г.

Придём сюда

Край необжитого простора.
Поля, луга, леса и горы.
Здесь зазвенели топоры,
Сверкая в водах Ангары.
Отечество зовет меня
Для счастья завтрашнего дня.
Здесь будет море, слушай друг.
Я вижу: волны в скалы бьют
А пароходы вдаль плывут.
Я рад и солнцу и труду,
Я здесь любовь свою найду.

1956г.

Кузнец

Кузнец Рожков Иван весь в саже,
Продымлен до черноты.
Забыв взглянуть на время даже,
Куёт он скобы и болты.
 И он в дугу железо гнет,
 У горна жарко кузнецу.
 И в три ручья горячий пот
 Бежит по смуглому лицу.
Поднял он молот двухпудовый
И мускул всплыли бугорки.
И гору он свернуть готовый
В огонь глядит из-под руки.

Горит в душе. В свой труд влюбленный
Уйдет он поздно, как вчера.
И звон стоит неугомонный
В колхозной кузнице с утра.

1956г.

Агроном

И вьюга злилась за окном,
Кружа солому на дорогах.
Сидел ночами агроном,
Писал, чертил в порядке строгом.
 И на столе чертежный план
 Пометкой отмечался просто:
 «Вот за бугром колхозный стан,
 Где будет высеяно просо.
Под клевер выделен участок,
Пойдет отборное зерно
Под это поле — решено».
В поля заглядывал он часто,
В снегах лежавшее давно.
Когда пришла весны пора,
И вышли в поле трактора.
Посевы ранние полей
Он проверял, не спав ночей.
Опять в колхозную страду
Кругом шумят хлеба густые.
И видно: агроном к труду
Приложил руки золотые.

1957г.

Косари

Сорок пять
Прокосов
До ужина.
Сорок пять
Вопросов
Не нужно.
Руки,
Ноги
Гудят —
Хоть ложись.
Комары
Нас едят —
Провались.
Взмах —
Навильник пока,
Три взмаха —
Стог.
Угасающий
Закат

Бакены зажег.
Склонился
Над ухою
Старый рыбак.
За пригорок
Уходим
В большак.
Коса
У нас качается,
Коса
Земли касается.
Тайный свет в углах
Тает
Постепенно.
На дубленных
Сапогах
Запах сена

1957г.

Х Х Х

Тропинкой узкой
В улус иду.
Березкой грустной
Закат в пруду.
И куст смородины
Мне машет вслед
Милее Родины
На свете нет.

1957г.

Мы все из детства

Тыргетуй, Нельхай, Бахтай, Мучная —
Спутники мальчишеской поры.
От Балтуя до Саган-Жалгая
Рядышком не наши ли дворы.
Эти так крепки еще названья,
Что не помнят даже старики.
Знаю: ради вашего старанья
Дом стоит отцовский у реки.
Добрый прадед мой давно лишен был
Всех регалий, званий и приличья.
Родственник его Платон Лещевых
На рассвете выходил на дичь.
И мне, как в отрочестве, так просто
Утром перелесок перейти.
Выше человеческого роста

Вымахала рожь мне на пути.
Скрыла очертания и звуки
Шапка — невидимка пустыря
Без толку протягиваю руки
Будто бы ищу поводыря.
Где мы, деревенские скитальцы,
Всадники железного коня.
Покажи те скрюченные пальцы,
Заслонить сумеем от огня.
Внуки безлошадные — у дедов
Нрав перенимали сопляки:
Падая в бурьян с велосипедов,
Сдерживали слезы по-мужски.
Но теперь иная обстановка.
По другому люди стали жить.
Впереди другая остановка:
К свету путь сквозь дебри проложить
Вашему досталось поколенью.
И среди сегодняшней весны
Музыка молчит от отчужденья,
Потому не все приглашены.

Парни

Обветренные,
Потные
Еще
Безусые,
Коренастые
Плотные
Парни
Наши улусные.
С полуслова
Все понимают,
Не становись
На пути.
На стропилах
Солнце поднимают
В утро солнечное
Идти.
В каждом движении
Мускулы —
Нюансы
Музыки,
Слышится
Слово «СИЛА»,
Слышится
Слово «РОССИЯ».
Я видел
Как поле пашут
И убирают
Тучный хлеб,

Как на рассвете наша
Рассветает
Степь.
Пусть будет
Так —
Вечность,
Нежность,
Красота,
Мне навстречу
От овчарни —
Улыбающиеся
Парни. *1958 г.*

Земля

Меня
Родная мать — земля
Под лунным тополем
Рожала.
Меня младенца
Пеленала
В свои
Озера и поля.
Я рос,
Её благодаря,
Сливались дали
С небом,
Всходила
Светлая заря
И пахли села
Хлебом.
И шел я —
Первым человек,
Готовый к взлету
В космос.
Со мной
Сиянье вешних рек,
Созревший
Литый колос,
Дыханье солнца
И осин,
Душистый запах луга,
И шум рокочущих машин,
Тепло
Ладоней друга. *1958 г.*

На дальнем Севере

Северный далекий край
В переливах песен звонких,
В говоре гусиных стай,
В запахе березок тонких.

Важно пышит самовар.
Словно вспыхнувший пожар,
разыгрался зимний день.
Сдвинь ушанку набекрень.
И сверкнул над головой
белый снежный ком большой.
Серебристый слышен смех.
В пору поиграть не грех.
Гости вышли в первый ряд.
«С рождеством, вас»!, - говорят.
Поднеси им каравай,
полно в стопку наливай.
И пошла деревня в пляс.
Где же Васька — лоботряс?
Не возьмем его в игру —
Будет к счастью и добру.
Вдруг раздался крик и вой —
это Митька верховой.
Проскакал он горку брать.
А за ним выходит рать.
С белой горки, прятаясь,
смотрят. Битвы ждут, смеясь.
С богом. Кто подумать мог —
Штурмом взяли городок.
Разговоры долго шли,
насмеяться не могли.
Было весело, друзья.
Нам без праздников нельзя!

СОЧИНЯЛА ЮНОСТЬ СТАНСЫ....



Эхо детства

Иду по дороге
Вдоль просеки этой
Далекого детства
Мне слышится эхо.
Глаза я закрою —
Раздвинутся ветки,
И выбежит мальчик,
Нестриженный в кепке.
Верхом на прутинке
В улус он ускачет,
Где в поле, как сторож,
Березка маячит.
Мне выйдет навстречу
Далекое счастье,
Девчонка с косичкой
В коротеньком платье.
Иду по дороге
Вдоль просеки этой.
Далекого детства
Мне слышится эхо.

1955г.

Юность

В окно ясное солнце засмотрится,
Словно шторы раздвинув рукой.
И тебе непременно захочется
На его повлиять красотой.
И хорошее что-то попросится
Ты поправишь кос копну.
И в лицо кровь горячая бросится -
Ты почувствуешь сердцем весну.

И глаза ты прищуришь от яркости
Отраженных от лужи лучей.
И от мыслей в душе твоей ясности
Твое сердце забьется сильнеей.

На тебя заглядится тревожная
Беспокойная юность твоя.
И захочешь сделать невозможное
Ты, тревожные мысли тая.

1956г.

Выпускнице

Тысяча славных дорог
Манят тебя, выпускница.
Ты переступишь порог
Сердце в груди застучится.

Может захочешь искать
В жизни чудесное ... Может ...
Если, вернее сказать,
Юность тебя потревожит.

Помни ты: все впереди.
В жизнь всегда первый шаг труден.
Но не страшись ты, иди
В грохот обыденных буден.

Духом не падай. Гори
Мыслью горячей и смелой.
Сколько здесь дел — посмотри.
Дело для Родины сделай.

1955г.

Х Х Х

Неразгаданная лунность,
Тайный свет её лучей.
Нерастраченную юность
Ты разгадывать не смей.

Под баян у клуба танцы,
Песни, пляски до утра.
Сочиняла юность стансы.
Юность — звездная пора.

ЛЮБЛЮ Я СИНИХ РЕК ИЗЛУКИ...

Перед грозой

Поблекла синь небес от зноя,
Недвижен коршун в вышине.
Бор в запахе смолы и хвоя
Шумит лениво в полусне
И где-то гром ударил глухо,
Как кто проехал по мосту.
И лист морщинистый, как ухо,
Подсолнух целит в высоту.
Закрыла форточку хозяйка,
Во дворик вынесла цветы.
И мокнет под дождем лужайка,
И мокнут под дождем кусты.

1955г.

В зимний вечер

В снегу устало вязнут ноги,
Вот день окончен трудовой.
По занесенной вновь дороге
Спешит колхозница домой.
Гремит подойниками громко
На ферме дояр молодой.
«Пойдем с горы кататься, Ромка»,
Кричит мальчишка озорной.
И горн уж в кузнице потушен.
Березки в новом серебре.
Кого-то ждет остывший ужин,
И кто-то ходит во дворе.
Заржала лошадь за калиткой,
Барбос залаял под окном.
А солнце держится на нитке,
За бор зардевшись колесом.

1956г.

Х Х Х

Шелестом сонным шумят
Ветви смолистые сосен.
В жаркие страны летят
Гуси крикливые. Осень.
В желтые листья одет
Тополь деревней шагает.
В проседи первый рассвет
Дымкой над кузницей тает.

1957г.

Х Х Х

Опустело вокруг
И поля почернели.
Звонкой стаей на юг
Журавли пролетели.
Скоро ветер сорвет
Лист последней порошей
Белой кистью мазнет
По полям и по рощам.

1957г.

Х Х Х

Чуть глянет утро ясным небом,
В окошко свет пробив едва.
В район спешат машины с хлебом,
Скрипят от груза кузова.
Деревней тянутся обозы,
Скрипят от груза кузова.
И сыплет золотом листва...
Ударят поздние морозы.

1958 г.

Х Х Х

Безветренно. Летнее утро.
Вот кромка пшеничного поля.
И солнце, и воздух, и воля —
Природа устроена мудро.
Синеет вдали Ангара.
Вхожу в перелесок — божественный храм.
Я радуюсь птицам, моим облакам.
Как жаль уходить! Но пора...

1958 г.

Х Х Х

Берез белеющая стайка
И свеж простор, и даль ясна.
За водоёмом на лужайке
цветы рассыпала весна.
И окон засверкали стекла.
Грачи галдят насчет квартир.
-Пришла!-
Сказал с улыбкой теплой
Немногословный бригадир.

1958 г.

Х Х Х

Хорошо бродить по узким тропкам
Мне в березовом лесу.
Там, где серебрится мшаник топкий,
В горсти собираю я росу.
Развернул свою листву осинник,
Дышит свежестью своей.
Хорошо бы сделать из росинок
бусы девушке моей.

1958 г.

Х Х Х

За Неманом тихим,
Где запах гречихи,
В березах, в березах
Запутались Вёски.
И в низеньких елях
За дымной опушкой
О счастье, не мне ли
Колдует кукушка?

1960 г.

*Вёски — белорусская деревня.

Снег

Всё кругом белым-бело.
Много снега намело.
Снег — на крыше, на трубе.
Белый ворон на столбе
Белым клювом столб долбит.
Снег летит,
летит,
летит.

Ребятишки за селом
С белой горки кувырком.
Смех их слышен далеко,
Белым парусом легко
Переулок тих, молчит.
Снег летит,
летит,
летит.

Снег на снежкином лугу,
Снег на синем берегу.
Словно в снежном серебре,
Месяц глянул в Ангаре.
Околдован лес стоит.
Снег летит,
летит,
летит.

Х Х Х

Идёт ребенок, словно юный бог,
В лучах заката с головы до ног.
Идет туда, где на краю небес
Сейчас хоронят мира жар и блеск.
Спустилось солнце, осветив камыш.
У света на краю стоит малыш.
Не ведает хранимый от невзгод,
Что за спиной рождается восход.

Х Х Х

Прозрачен воздух сентября,
Пестрит листва рябой бумагой.
И сходит иней, тонкой влагой
Сухие стебли серебря.
Наверно, землю тешит зря
Погожих дней скупое благо.
Ведь лес — оборван, поле — наго.
Велик лишь остов пустыря.

Х Х Х

Травы ангарские буйные
Взмахнули на летнем лугу.
Сосны...
 будто буйволы
Стоят на крутом берегу.
Чуть подальше на узенькой пойме
Костры развели рыбаки.
И песни великие пойте
У этой великой реки.

Х Х Х

Полвека мне. И год от года
Неотвратимо все сильнее
Влечет к себе меня природа
Великой Родины моей.
 Люблю я синих рек излуки
 И даль лесов, полей простор.
 Я после долгой столь разлуки
 Веду с ней тихий разговор.

Х Х Х

Вдали от шумных поселений
Понятен так природы зов.
И нет ни страха, ни волнений.
Зеленый шум. Зеленый кров.

Вспорхнут испуганные птицы
И покачнется гладь воды,
Огнями светятся столицы,
И мокнут юные сады.

Х Х Х

Октябрь. Уж улица бела.
Закат лучи роняет косо.
И вдоль продрогшего села
Стучат тележные колеса.
Снежки метают во дворе
И взрослые... и дети.
Стоят березы в серебре
И снег идет на белом свете.

Х Х Х

Поля, равнины, горы
Мой взор скупой утешат зря.
Хоронит бор уборы,
Сухие стебли серебря.
 Из леса вышли сосны,
 Как тридцать три богатыря,
 Их подступы несносны
 В погожий полдень сентября.

Х Х Х

Старая аллея.
Жухлые кусты.
Больше не алеют
Мокрые цветы.
 Вот и понемногу
 Отцвели сады.
 К божьему порогу
 Поздние следы.
Тихая погода.
Неба полукруг.
Твоего прихода
Жду мой старый друг.

ЛЮБВИ МИГ – ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ, ОСТАНОВИСЬ НА ПОЛЧАСА...

Где встречаюсь?

Если на сердце такое,
Если не хочется спать,
Хочется снова с тобою
Вдоль по деревне гулять.
Снова мне хочется вместе
Тропкой заросшей брести
Там, где в условленном месте
Сходятся наши пути.
Полезна знакомой дорожкой,
Что затерялась во ржи,
Выйду навстречу с гармошкой,
Где повстречаюсь, скажи?
Месяц на небе двурогий
Будет мне путь освещать.
Косо засмотрится строгий,
Словно захочет сказать:
«Звезды уснули на небе,
Тоже мне хочется спать.
Уж возвращаться тебе бы,
Хватит ее ожидать».
Хрипло гармошка застонет,
Нехотя смолкнув на «ля».
Солнце лучами затронет
Ранние жнивы — поля.

1956г.

XXX

Я знал тебя всегда такой:
Красивой, нежной и простой
В те годы наши молодые,
Когда мы встретились впервые.
Тебя коснулась седина,
Но ты, как прежде, мне верна.
Тебя любовью не согрел.
Хотел другую жизнь найти.
Прости меня, что не сумел
Одной дорожкой идти.

1956г.

В осеннюю пору

Люблю я осеннюю пору -
Работа в страду горяча.
Я выйду к сосновому бору,
Опавшие листья топча.
И встречу на взгорке осину,
Пройдусь я тропинкой в лесу.
Вечернюю эту картину
Я в сердце своем унесу.
Когда я увижу на зорьке
Семейку болтливых берез,

С тобой расставаться мне горько,
Обидно и больно до слез. 1955г.

Что за милость

Что за милость,
Что за милость,
Или мне во сне приснилось,
Или может наяву
Пташка села на траву.
 Что за милость,
 Что за милость,
 Или мне во сне приснилось,
 Или может за окном
 Бьёт черёмуха дождем.
Что за милость,
Что за милость,
Или мне во сне приснилось,
Или может ты прошла
Спозаранку вдоль села.

1956г.

У меня посиди

Обо всем сама взвешай,
Обо всем посуди.
Только носа не вешай,
У меня посиди.
Ты горячие губы
Отдавала ему.
Недовольный и грубый,
Он ушел в полутьму.
Мимо темного сада
Он ушел вдоль оград.
Ой, как надо бы, надо —
Не вернулся назад.
Обо всем сама взвешай,
Обо всем посуди.
Только носа не вешай
У меня посиди.

1969г.

X X X

Дружбу с тобой не порвали
Каждую мелочь несусь.
Ранней весною мы рвали
Синий подснежник в лесу.
 Бегали мы вперегонки
 Пыльной дорогой домой.
 Отзвук родимой сторонки
 Слышишь вечерней порой?
Друг, дай пожму твои руки!
Снова догнать не смогу.
Только в минуту разлуки
Верность тебе сберегу.

1956г.

И в глазах моих
белеют
Сосны,
здания, мосты.
И в глазах моих
милеют
Люди, лошади и ты.
Вот спешит главбух
В ИРГОРПРОДПРОМТОРГ,
Пышный
Снег на шапке
будто торт.
И в снегу очки —
пяточки.
На виду у всех —
Снег на ветку
голую,
Снег, как смех —
Мне на голову.
Падают снежинки
тихо.
В городе моем
неразбериха.

1962 г.

Трамвай

Трамвай,
трамвай,
судьбу мою не ломай.
Какие мы с тобой
соперники?
Тебе колеса
прислали с Запада.
Мне с юга
— персики
с солнечным запахом.
В декабрьское
утро
я ухожу в поход,
а знаешь,
все-таки трудно
мне агитировать
в обход.
Спешит, трамвай.
Вон у сквера
фигуры согнувшихся
старух.
Я у голубоглазого
офицера
газету свежую
беру
и перелистываю
страницы.
Ну, что там нового
в столице?
«Парады, митинги
и съезды,

плевки, возня
в подъездах.
Замолкла Муза,
Идет раздел
Союза».
Трамвай, спешу.
По Степана Разина
Ломают
старый дом.
И мне толкуют разно
и от и до.
Студентка — лирик,
а не догматик,
студентка — математик,
в пышной шапочке
алой
в тетрадь заносит
дифференциалы.
Вот и площадь —
газон
в ледящем тумане.
Она дышит в глазок.
Сама вся еще — тайна,
тайна
белые ботики
и тайна брови дугой.
А может
она сойдет на Боткина,
а, может,
за Ангарой.
Трамвай,
трамвай,
ты эту
тайну мне отдай.
Куда ты так
спешишь?
Кругом:
и гладь и тишь.
Хочешь её
От меня увезти.
Хочешь душу
на мне отвести.
Ну какие мы с тобой
соперники?
Остановись у скверика!
Ну, ладно тогда!
Хочу, чтоб ты увёз
нас двоих
в страну берез.
Среди
широкого двора
там много света
и добра.

1962 г.

От тебя зависим

Не писал тебе я писем,
Не встречал тебя в саду.
От тебя я стал зависим.
Сам не свой теперь — в бреду.
 Я лепил тебя из снега,
 Я слагал тебя в уме.
 Заразительному смеху
 Я учился при луне.
Может этого не надо,
Может надо мне уйти.
Может ты тому не рада,
Так, пожалуйста, прости.
 Унесу беду я с болью,
 Унесу слезу с росой,
 Что останется с тобою?
 Что-то станет со мной.
 1962 г

Иду

Иду —
 я снегом запорошенный.
Иду —
 тобой я замороженный.
Иду —
 я светлым зимним городом.
Иду —
 с расстегнутым воротом.
Иду —
 глухими переулками.
Иду —
 бежит мальчишка с булками.
Иду —
 проходят в теплой обуви.
Иду —
 летят снежинки — голуби.
Иду —
 горят неоны синие.
Иду —
 а ветки в искрах инея.
Иду —
 и ты опять в автобусе.
Иду —
 кричу охрипшим голосом.
Иду —
 и ты опять уехала.
Иду —
 стоят деревья вехами.

Х Х Х

Сон. Неверие. Иль забытье.
Мысль моя сгорает неслучайно,
Вместе с ней разгаданная тайна.
Имя в памяти растаяло твое...

Осень. Двери настежь распахну.
Дом наполнится листвой опавшей,
Светлым запахом любви вчерашней
Сразу же нарушит нашу тишину.

X X X

Почему ты проходишь мимо?
Почему ты идешь вдоль оград?
Почему не приходишь, милая,
В опустевший осенний сад?
 Месяц тоненький в желтом кружеве,
 И в глазах моих желтый дым.
 Листья рыжие ветер кружит,
 Замечает твои следы.

X X X

Я ушел от тебя в закат,
А над городом таял дым.
Я ушел от тебя пока
Нерешительным, молодым.
 Тени длинные на снегу,
 До меня нету дела им.
 Я с рассветом придти смогу
 Белым облаком твоим.

X X X

Я за тобой иду медленно.
Туфлями стучишь.
За Ангарой луна медная
Иней сыплет с крыш.
 И ветка тонкая хрустнула
 У окна.
 Задумчивая и грустная
 Ты ушла одна.

X X X

Эхо акало,
Тряхнув росу.
Громко плакала
Сова в лесу.
Месяц тоненький
Бледнел к утру.
Только с Тоненькой
Я был в бору.

X X X

Падал снег на крыши,
Падал на асфальт.
Желтый месяц вышел
Завернувшись в шаль.

Мы одни на свете.
Ни огня в домах.
Липнет липкий ветер.
Свет в твоих глазах.

Х Х Х

Эй, вы сизые, голуби,
Зажгите крылами звезду.
Я сегодня над синей прорубью
Её подожду.
И какие вы, голуби, странные,
Летите опять в облака.
Неба синего вечные стражники,
До встречи. Пока.

Х Х Х

Куда ты делась? Где ты скрылась,
Моя предлунная звезда?
Как наши годы, как на крыльях,
Уходят утром поезда.
Довольно. Хватит нам скитаться,
Пора запрячь коней домой.
И на какой межзвездной станции
Мы снова встретимся с тобой?

Х Х Х

Пристань,
пристань...
Пароходный гудок.
Всматриваюсь пристально
НА зардевший восток.
Убраны сходни
И вокзал опустел.
Вспомнил сегодня
О тебе между дел.

Х Х Х

Белый мой, белый автобус,
В белом тумане не тай.
Белый мой, белый автобус,
Полный каких-то тайн.
Может, ты с утренней смены,
Все не устану я ждать
Или кого провожать...
После разлуки, измены.

Х Х Х

С тесных крыш сосульки сосками.
В лужах синие круги.
Небо зачерпнул под соснами
В кирзовые сапоги.

Ветер треплет мои волосы.
Что ему надо чёрт возьми?
Ты сказала продрогшим голосом:
«... до восьми».

X X X

Нарисовать бы тебе весну
Со всеми её тонами
И улетевших в вышину
Голубых голубей над нами.
 Через прясло в луга махну,
 Пусть смеются себе насмешники,
 Лучше принесу тебе весну
 В не раскрывшемся подснежнике

X X X

Поют капли влюбленно
И держат припев на весу.
Проходишь ты в платье зеленом,
Похожая на весну.
 И откуда нанес синий ветер
 Твое отраженье на льду.
 И я безрассудно под вечер
 За тобою за город иду.

X X X

Что-то творится со мною
И недолго до всякой беды.
Я увидел тебя под сосною
У застоявшейся синей воды.
 И ты напоминала мой парус
 И руки твои — два весла.
 Но ты уплывала, мой парус.
 И ты уходила, весна.

X X X

Что хочу,
 ворочу.
Может, этого не надо,
Хохочу
 и молчу
У заброшенного сада.
Ты пойми,
 обними.
Не обмолвила ты слова,
Я уйду,
 нет приду...
Будут встречи с милой снова.

Х Х Х

Сад мой в сиянье красивом,
В сказочном ярком уборе.
Выведу ровным курсивом
Имя твое на заборе.

Сад мой наполнится смехом,
Дрогнув в бесплодном угоре,
В сад отзовется лишь эхом
Имя твое на заборе.

Х Х Х

С улицы доносится прозрачный гул.
Пенятся акации в молочном мире.
Платье ты небрежно сбросила на стул
С плеч нагих сползла вуаль.
Тепло в квартире.
В тайном ожидании чулки сняла,
Вскинула взор на цветущие пионы.
В лунном блеске изваянием была.
Я шептал тебе слова Пигмалиона.

Х Х Х

Мой дом. Акаций ветки голы.
Ты загляни ко мне в окно.
Горят в душе моей глаголы
И знак вопроса заодно.
Любить, работать и бороться,
Какие видеть берега?
Как льдинке — время отколоться.
Растаять. Затопить луга..

Х Х Х

Листва опала в нашей роще.
В глазах рябит от пестроты.
И под покровом темноты
Назначить встречу будет проще.
В тени холодного забора
И у тебя свои круги.
Твои укороченные шаги
Услышал после разговора.

Х Х Х

Последний луч в пыли дорожной.
А за закатом – уж рассвет.
В твоей походке осторожной
Услышал сдавленный ответ:
«А было все: и честь, и слава,
И жажда мести, и любовь.
Теперь – хоть гром, теперь – хоть лава
И не волнует сердце кровь».
Твое порывистое движение
И не сошла с лица краса.
Любви миг – головокружение,
Остановись на полчаса.

СТИХИ ИЗ АРМЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ



В вагоне

Дорога на Дальний Восток...
Колотятся гулко колеса.
В горах отозвался гудок
И снова поля и просторы.
Дымок паровоз расстелил
Дым ласково лижет окошко
И кто-то плясал и шутил
Под музыку нашей гармошки.
И тихо вздохнул капитан,
Он темные брови нахмурил.
Вдруг вывернул кто-то карман —
Махорку усольскую курим.
Колеса на стыках стучат:
«Солдаты, солдаты, солдаты...»
Березки отстать не хотят,
Бегут по полям полосатым.

1958 г.

Солдатские будни

Разъяренные, злые метели
Нас хлестали на каждом шагу.
Мы в пропитанных потом шинелях
Прошибали плечами пургу.
Проклинали не раз непогоду,
Задыхались мы в зной без воды.
На ученьях, в далеких походах
Нам порой не хватало еды.
И подъемом, отбоем, тревогой
Нам запомнились эти пути.
Но кто скажет, что легкой дорогой
Мы, солдаты, старались идти.

1958 г.

Песня

Идем. Еще рассвет горит.
Версты вышагивай до пота.
Идет, придерживая щит,
Стрелок из нашей роты.
И, кажется, устал солдат.
И нет подсумка тяжелее.
Утюжит спину автомат.
Вдруг песня — на сердце светлее.
Рассвет румяней, воздух свеж.
Проселком мы в колонну по два
Спешим на огневой рубеж.
За лесом будто ждет нас подвиг.

1959 г.

В вечерний час

День трудовой пришел к концу.
- Устал немного? - Да!
- Скучать солдату не к лицу,
- Давай гармонь сюда.
- Кто может спеть, а кто сплясать?
- Эх, затыника-ка брат!
И в три с колена отбивать
Пустился в пляс солдат.
И смех, и шутки. Песни есть
зазорные без слов.
Несутся перестуки здесь
Солдатских каблуков.
И вечерком сторонкой нас
Обходит тишина.
Казалось, с нами в этот час
Плясала вся страна.

1960 г.

За шахматной доской

Казарма. Час заката.
Под липовой листвой
Склонилося два солдата
Над шахматной доской.
Взволновано теснятся
Болельщики кругом:
— Ладьями разменяться
И сделать ход конем.
— Тут дело, брат, не в спешке, -
Сказал друзьям солдат.
Нежданно крайней пешкой
Он «черным» ставит мат.
Смекалку и терпенье
Солдат вложил в свой труд.
Здесь хитростью, умением
Противника берут.

1960 г.

На ученье

Еще рассвет горит холодный,
Пылает снег в огне.
Опять колонною походной
Идем в застывшей тишине.
Сегодня снова по тревоге
Мы будем сопки штурмовать
И после «боя» у дороги
На голом камне отдыхать.
И, как вчера, опять до пота
Мы будем мерзлый грунт долбить.
Не зря находим мы в работе
Уменье Родине служить.

1960 г.

На ученье рота шла

Эх, заря над степью полыхала,
На ученье наша рота шла.
Девушка косынкою махала
На краю колхозного села.
Редким перелеском, полем чистым
На ученье третья рота шла.
Песню звонкую она с присвистом
Над колонной замкнутой несла.
Веселей, товарищ! Выше ногу!
Ведь в походе песня — лучший друг.
«Если вновь страна забьет тревогу,
Встанем мы...» Но песня смолкла вдруг.
Загляделся ротный запевала.
Может, вспомнил наш сержант о той,
Что на службу парня провожала
Вешним утром в стороне родной.
Эх, заря над степью полыхала,
На ученье наша рота шла.
Девушка косынкою махала
На краю колхозного села.

1960 г.

В часы досуга

Берет баян Панкратов.
И вот прошла усталость.
Пустились в пляс солдаты,
В казарме жарко стало.
Поют о нашем счастье,
Поют о нашей силе.
Солдат из Н-ской части.
Межа разводит шире.
То музыкой знакомой
Он душу нам тревожит.
О девушке, о доме
Комвзвод вздыхает тоже.
Эх, край ты мой лесистый,
Да свет окна родного...
А руки баяниста
Рождают песню снова.

1960 г.

**БУДУ БИТЬ Я СВОЙ НАБАТ
И ДЕНЬ, И НОЧЬ, И ДЕНЬ И НОЧЬ ...**



В новый год

Разукрасим ёлки,
Ёлки пышноусые.
На иголки колкие
Мы развесим бусы.
 Конфетти, браслетки.
 Звезды хороводом
 И огни на ветках.
 С Новым, Новым годом!
Будто в улье пчелы,
Клуб шумит колхозный.
Люд валит веселый
С улицы морозной.
 Будет в клубе нашем
 Весело и жарко.
 Хорошо попляшет
 Бригадир с дояркой.
Смеха переливы
Умолкают поздно ...
До чего ж счастливый
Новый год колхозный.

1955г.

Х Х Х

Вязкая дорога.
Скверная судьба.
Люди у порога —
Гольна голодьба.
Облако уплыло
В дальний небосвод.
Горбится уныло
Зданий хоровод.
За широким долом
Стонут бубенцы
И выходит молом
Деда и отцы.
Помолились богу,
Над своей судьбой.
Снова в путь — дорогу.
Нас, детей, — с собой.

1969г.

Х Х Х

Слышатся звуки органа
Слышится музыка Баха.
Вышедшие из тумана,
Люди не ведают страха.
Слышатся звуки валторна,
Флейты, трубы, фортепьяно.
Слышатся звуки повторно
Нежно, тревожно и рьяно...

1959 г.

Не надо войны

Будут еще листопады
В сентябре.
Будут еще снегопады
В январе.
Будет всходить еще солнце
По утру.
Будут цветы за колодцем
На яру.
Будет еще шелестеть
Колосок.
Будет березка глядеть
На Восток.
Будут видеть еще сны
Люди...
Только не надо войны,
Люди!

1958 г.

Х Х Х

Пологий берег, Ангара,
А было, кажется, вчера.
Сюда вы приходили двое до войны.
Смеялись, спорили.
И провожая птиц до будущей весны,
Мечтали: «Скоро ли?»
Теперь, доживший до седин,
Сюда приходишь ты один.

1958 г

Х Х Х

Надену белую сорочку —
И к ней широкие штаны
Вся жизнь моя была в рассрочку
Без всякой видимой вины.
И хороша страна родная,
И сердцу вольно — не скучай.
Я, слезы желтые роняя,
Аккорды тронул невзначай.
Услышал музыку органа.
Плывут из жёлтого тумана
Деревни, люди и леса,
Надену белую сорочку —
И к ней широкие штаны.
И жизнь моя теперь в рассрочку
Без всякой видимой вины.

Труд Алари

Труд Алари — хлебородье,
Труд Алари — всем венец.
И с крестьянского угодя
Все едино гложет жрец.
Мил её неброский контур.
Он на Азию похож.
В селах в каждую контору
Был по-разному я вхож.
Могоёнок, Халты, Зоны —
Я запомнил имена.
У засохшего газона
Мне безвыходность видна.
Я кружил в полях колхозных
Белый свет кругом, как мел.
И от слов Устава грозных
Поневоле я черствел.
Точка чёрная знакома.
Мыслей вольных череда.
Я Аларского райкома
Не забуду никогда.
Секретарь уж больно хилый
Заносил их в черный лист.
Что ж наделал, друг ты милый,
Твердолобый карьерист?

Ты влетел, как ворон, ночью
В взбудораженный Нельхай.
Нет житья. Так вой по-волчьи.
В стопку водку наливай:
- Мы уволим без причин.
Беспартийным — бес в ребро,
Нет порядка, дисциплины —
Все решает член бюро.

1972 г.

Пишу

Не смешно, не стыдно
Мне в седьмом поту трудиться.
Только вот обидно —
Факел мой не загорится.
Но в часы бессменного труда,
Может быть, взойдет моя звезда.

.....
.....

X X X

Горе ходит где-то рядом.
Счастье на том берегу.
Вызволить что ли нарядом
Горе. Я один не смогу.
Корни пустило глубоко.
Сдвинуть вы мне б помогли.
Снова стою одиноко,
Холодом тянет с земли.
Где же та крайняя мера,
Чтобы его укротить?
Где же надежда и вера?
Некого больше любить!

X X X

Стою, как Алладин,
Не грешен и не вин,
Отвергнутый, один,
Доживший до седин.
И роятся толпой
Все годы надо мной.
И каждый день — грозой.
Не плачу над судьбой.
Непререкаем рок,
Дающий нам урок.
Мечту исполни в срок —
Надежда будет впрок.

Восьмистихия 60-х, 70-х, 80-х годов

Х Х Х

Мчатся кони, вьются кони
На вспорхнувшийся закат.
Мне скажите, кто догонит?
Поверните их назад!
 Вьются их крутые гривы
 На вечернюю зарю.
 На всплеснувшие мотивы
 Звонким словом говорю.

Х Х Х

Надо только малость —
Лишь побыть у друга.
Боль моя — не радость,
Боль моя — разлука.
 Между нами разность,
 Между нами пропасть
 Мне не надо праздность
 Мне не надо пошлость.

Х Х Х

Со мною что-то стало,
Нигде покоя нет.
И сердце уставало
От мелочных сует.
 Бывало отвагу
 Разъедала маята.
 И с кем скрестить
 мне шпагу —
 Мой вызов неспроста.

Х Х Х

Утром без толку все хлопочу,
Свои вещи складу в чемоданы.
Все куда-то уехать хочу:
Обнажить незажившие раны,
Счастью — горю навстречу лететь,
Смехом — гневом перекреститься,
Недопетые песни допеть.
Потом снова домой возвратиться.

Х Х Х

Чиркну в холодное небо,
Где-то звезда упадёт.
Дол оглашая, бог немо
В дом мой незримо войдет.
 Спросит он молча и строго,
 Свято ли выполнил долг,
 Верной иду ли дорогой.
 Снова сам пустится в дол.

Х Х Х

Ни много, ни мало — три срока
Мне богом отмерено жить,
Опять прилетела сорока,
Стрекочет свое отслужить.
 Давно улетела сорока,
 Отцвел моей юности май.
 Давно отслужил я три срока —
 За дело меня принимай!

Х Х Х

Будто в тумане плыву,
Сон это
 или не сон?
Вижу себя наяву,
Слышу размеренный стон.
 Голо. Мне все нипочем.
 Выжжена палом трава.
 Вот мой разрушенный дом.
 Вся в седине голова.

Х Х Х

Родом я из здешних мест,
На шестом отсель столбе,
Свой несущу тяжелый крест
На суд себе,
 на суд себе.
Кто сказал: «Настал закат!»
 Сам судья! Подите прочь!
 Буду бить я свой набат
 И день, и ночь,
 и день, и ночь.

Х Х Х

Витал бог в темном небе, бог — звонарь.
Он в полдень в колокол ударил бесом.
В тот мрачный миг усталый шел в Аларь
И долго слушал звон над черным лесом.
 Звонарь, звонарь, еще сильнее ударь,
 Чтоб колокольный звон гудел набатно.
 Всю боль мою несущу тебе, Аларь.
 И от тебя дороги нет обратно.

Х Х Х

Деревья судорожно заметались,
Предвидя неминуемую гибель.
И в смрадном мире мы вдвоем остались
Пойдем с тобой в тепло, пойдем во флигель.
 Не верь тому, что нам вчера сказали.
 Придет мессия. И упыри от страха
 На хлябкой колеснице проскакали,
 Поспешно скинув шапку Мономаха.

Х Х Х

Гурий на пегой кобыле
Утром селом проскакал.
Вслед верховому весь в мыле
Вздыбленный Сивка заржал.
Гнался Россией галопом.
Где уж догнать упыря.
Видно, над черной Европой
Небо спалила заря.

Х Х Х

Скрипка Паганини, бодрствуй и плачь,
На высокой ноте душу пылкую тронь
Выйди в небо безмятежный скрипач.
Вознесись ты, великан, на маленький трон.
И смычком над черной тучей взмахни.
И ключом скрипичным тайну Зевса открой.
Страшен молох. Ты устал. Отдохни.
Песни Аллилуйя в страданиях пой.

Х Х Х

Твоя восточная палитра
И краски розовый рассвет,
И к солнцу — первая молитва.
Надежды юной — целый свет.
И к свету — тайная дорога,
И тайный свет её лучей.
И от отцовского порога
Ты выйдешь к говору мечей.

Х Х Х

У мечты есть крылья,
Слово — серебро.
Плачу от бессилья,
Уронил перо.
Воровство в законе,
Много знать — удел.
Был всегда в загоне,
С детства поседел

Х Х Х

Скажи, художник небесный,
Сияния красок палитра.
На холст твой безмерный и тесный
Дать масла льняного пол-литра?
Писал её в резком миноре
И краски в воде разводил.
В размытое Чёрное море
Ты красную кисть уронил.

Х Х Х

Догорел в деревне пруд
На закате дня.
Не востребован мой труд
Нынче у меня.
 То ли будет, то ли нет.
 Разум разбуди.
 Промелькнуло, точно свет,
 Что-то впереди.

Х Х Х

И пойдет молва худая,
И расстроит строгий быт.
Туча нежная, нагая
Уплывет под звон копыт.

Х Х Х

Рядом сядь со мной. Поговори
О народе, или о дрезине.
На задворках утренней зари
Охра разлилась по всей низине
Неба голубая полоса
Краешком задела захоlustье.
 Громоздятся хлипкие леса,
 Корни обнажая, чахнут в устье.
 И разбиты хлипкие дороги,
 Тризны здесь последняя черта.
 Мрачных дней неясные тревоги:
 Злоба, нищенство и теснота

Х Х Х

К утру уничтожив набросок,
Я снова его сотворю.
В природы немой отголосок
С тревогой и верой смотрю.
 Нас губит раздвоенность мнений.
 Природа не любит глухих.
 Ошибки не выправит гений,
 Тем более общество их.
Все к черту. Все катится бесом.
Довольно нам слушать враньё!
Смотрите: над умершим лесом
Последним кружит вороньё.

Строки мелеют

Стихов моих строки мелеют,
Еще не родившись в огне.
И люди напрасно краснеют
За то, что невесело мне.

Кто выкрал мое назначенье?
Судьбу свою ставлю на кон.
Пусть будет последним решенье:
Издам запоздалый закон.
Он выше казенной палаты
И честной рукой возведен.
И верю: придет час расплаты —
Плут будет за все отомщен.

X X X

Научи меня летать,
Птичьи песни познавать.
По земле легко ходить
И смеяться, и любить.
Жизнь сурова и без дна
И беда-то не одна...
Бог зажег мою звезду,
Значит, я не упаду.

1984 г.

X X X

Если б знал, какие числа
Мне судьбой отведены...
Тайна мрачная повисла
На задворках тишины.
Если б знал, какие мысли
Затерялись в голове...
Старый друг мой, срочно вышли
Сорок тысяч... или две...
Если б знал какие песни
Сочиняют поутру...
Я не знаю, хоть ты тресни,
флаг мой вьется на ветру.

X X X

Книги, живопись, искусство —
В том-то, может быть, и счастье.
Непререкаемое чувство —
Вот в тебе мое участие.
Мой стучит тяжелый молот,
Не ритмично, в разнбой.
Как орех, мой мир расколот
Я, как истина, с тобой.
Может это потому ли,
Что отвержен я тебе.
Мечь и жажда потонули,
Страстно жертвуя борьбе.
Непомерно нам причастны
книги, живопись, искусство,
В меру мы все беспричастны —
Неотрекаемое чувство.

Европа

Траншеи, рвы, заросшие окопы —
Истории давно минувший ход.
По бетонной лестнице Европы
спускаюсь я к истокам сточных вод.
 В окрестностях страдающего Рима
 В трущобы ненадолго загляну.
 Здесь отрешенность мне необходима
 разрывом доли — тысячу в одну.
Войду в одетую в стекло и камень
восставшую Варшаву из руин.
И плоть. И кровь. И прах. И пламень —
твоей мятежной силы властелин.
 И на мою Россию по обломкам
 неисчислимо шла за ратью рать.
 Стояла на смерть, мир неся потомкам.
 И потому Россия не под стать.
Берлин и Бонн, свою сорвите маску!
О плиты мраморные ширк и шорк.
Какую примет Вашингтон окраску,
его непредсказуемый Нью-Йорк?
 Преследует открыто тень Женевы,
 врезая между ними ржавый клин.
 Напоминают буйные напевы
 последний нюрнбергский обильный блин.
Знамена рухнули на смутном Рейне.
Но «Дойче вохеншау» за Стеной,
вы не достойны Моцарта и Гейне.
Я в их труды окунусь с головой.
 Опять стою у древнего истока,
 и все-таки мне Азия близка.
 Не вник я в дело тонкое Востока,
 довольствуясь взаимностью пока.

1985 г.

* «Дойче вохеншау»- молодежное движение фашистского толка, выступавшее за расширение границ ФРГ.

В библиотеке им. А. Вампилова

О, районная библиотека
Масса книг и точных копий нет —
Отраженье сумрачного века
Издадека брызжет тусклый свет.
 Время в прошлом — в выжженной пустыне.
 Тут — за стеллажами стеллажи
 И, подобно варвару, отныне
 Вклинюсь я в крутые виражи:
Гегель, Ленин, Пушкин, Сумароков,
Сахаров, Бердяев и Дюма.
И не от космических пророков
Мне теперь прибавится ума.
 Здесь ходил мой школьный друг Манилов*
 у кого-то книги брал из рук.
 Что сказать мне, Александр Вампилов?
 Мил мне твой родной язык и звук.

Чьей рукой написанные ноты
в твоих пьесах крылья обретут?
Прежде жизнью полные высоты
полностью свои плоды дадут!
 Нам причастен мир. Пройдет столетье,
 редких книг пополнится стопа.
 Вижу: вот мой сборник «Разноцветье» -
 И к нему не зарастет тропа.

* Чингиз Манилов — мой школьный друг, фотограф, художник, музыкант.
Не проявив во всю мощь свой талант, рано ушел из жизни.

Кто-то

Кто-то слева, кто-то справа,
Кто-то так, а кто-то сяк.
А кого-то ждет расправа,
А кому совсем пустяк.
Кто-то нами темно правит,
Кто-то злобно травит.
А за ложный пересуд
Еще в должность вознесут.
Кто-то тихий, кто-то шумный,
Кто-то просто полоумный.
Кто-то вовсе есть дурак.
Ах, ты! Боль, моя Россия!
Знаю: в точку попаду —
Скоро выдаст их мессия
В руки Божьему суду.

1987 г.

Х Х Х

Буду долго я еще гулять
По глубоким лабиринтам века.
Встретились на кладбище опять
Я и кот, собака и калека.
 Люди, не спешите нас судить!
 Лучше вы сыграйте нам на флейте.
 Нам еще придется долго жить.
 И, пожалуйста, нас не жалеите!
Мы не подошли к своей черте —
До назначенного Богом срока.
Долго жили в мрачной пустоте:
Скудность, нищенство, морока.

Х Х Х

Смятенья, аншлаги...-
Истории ход.
Огромные флаги
Поднимет народ.
Великой молитвы

Настанет черед.
Блаженствуя битвы,
Идите вперед!
За честь и свободу
Падут бунтари,
Сложите им оду
К восходу зари!

Х Х Х

Ни солнечных бликов
Над краем земли.
Звериные крики
Примолкли вдали.
 Ни черного леса,
 Ни чертова беса,
 Ни белого света.-
 Зеленого цвета...
Разбитые в раме
Осколки стекла.
Мне холодно с вами —
Мне надо тепла!

Х Х Х

Не ролью в пример обрастаешь,
Отрывок космических сцен,
А сам над собой вырастаешь —
Стал выше всех выросших цен.
 Глаза Святогора — в туннеле,
 Черт знает, где есть голова.
 Привратник на вербной неделе
 Кому-то читает права.
Снесло, разметало, надуло, -
Ты слышишь: скафандр еще цел.
Ты сжал леденящее дуло,
Осталось примерить прицел.
 Дистанция черного цвета,
 Навстречу тебе — Человек,
 Чья память со скоростью света
 Обгонит наш сумрачный век.

Х Х Х

Улица моя так узенька,
Между окнами луна.
Почему печальна музыка
И такая вышина?
 Почему дома заброшены
 И не слышен лай собак?
 Черным снегом запорошены
 Черный тополь, черный бак.

Х Х Х

Скверы, здания, мосты
Там, где не видать ни зги.
Под покровом темноты
Шелестят твои шаги.
Мнутся скудные поля
И глухая тишина.
Слухом полнится земля —
В мрачный сон погружена.

Не вспомнить мне о лучшем годе

Писал стихи я о природе,
Писал я прозу о народе,
И песни пел я о погоде,
Трудился в Свирске на заводе,
И в шахте, в поле, в огороде,
Учился в институте вроде,
И журналистом был в Заходе*,
И долго плыл на теплоходе,
И преклонялся новой моде,
Менял походку я в походе,
Кружился пылко в хороводе,
И «генералом» был на своде,
Молился богу я в приходе,
И не задерживал в проходе,
И защищал людей на сходе,
Отчизну славил на восходе,
Стоял я стойко на отводе,
Не верил в правду при отходе,
Мечтал и верил о доходе,
Давал я предпочтенье оде,
И где же деньги на комоде?
Снаряды вышли. А курок на взводе,
Охотник-друг мой, на обходе,
Зачем травить так в обиходе,
Менять решения о плоде,
Жестоко спорить о природе,
Запас последний на исходе,
Везут продукты на подводе,
Отсвет зари на небосводе —
Не вспомнить мне о лучшем годе.

* Заходы — село в Нукутском районе Иркутской области.

Х Х Х

Кому со мной отрадно лицемерить?
Давно забыл я думать об ином.
И верится, но не хочу я верить,
Когда царит бессмыслица кругом.
Я, как всегда, иду по бездорожью.
(К паломнику меня не отнеси).
Тебя предательской охватит
дрождью —
Об этом ты у совести спроси.

Х Х Х

Не знаю, все как-то двоится,
Не знаю, но как-то привык...
Все кто-то кого-то боится
За скудный и скверный язык.
В вопросах — и твердость, и воля.
В ответах — тоскливый сквозняк.
Цветет злополучная доля,
Гниет вопросительный знак.

Х Х Х

Чудно мнится ветка голая
К восходу утренней зари.
Древняя страна Монголия,
Другу Гоби подари!
Дайте посох мне! Отныне я
Буду видеть миражи...
Ты, песчаная, пустынная,
Строй на дюнах этажи!

Х Х Х

Я какую траву подминаю?..
Обхожу обезлиственный лес.
Я не верю и не понимаю...
Но ты веришь, что Лазарь воскрес?
Улетели, ушли, отзвучали
Дни надежды и годы потерь.
Много крови и много печали
Просочились в открытую дверь.

Х Х Х

Все помыслы направлены на поиск
Моих особых величин
И без загадочных причин
Уходит утром мой московский
поезд.
А впереди: неясные тревоги —
И кровь, и плоть, и прах, и тлен.
В часы великих перемен
Сойди, упырь, с моей дороги!

X X X

Явись ты в мрачную минуту.
Здесь не подкупен жалкий крик.
Мой покровитель верный в смуту
В твоём обличии возник.
К чему разлад, к чему обиды?
Закономерен Божий дар.
В час роковой сойдет с орбиты
Земной, немой ,холодный шар!
Очнитесь, вы, безумцы века!
И кожи содраны в крови.
Благословите Человека
И трепещите в знак Любви!

X X X

Облака белее ваты.
Днем распотрошите сумки.
До чего ж аляповаты
Разношерстные рисунки.
Лодка с Вологды красива,
Толку нету в самоваре.
Вдруг исчезли из-под пива
Кружки в сумрачной Самаре.
В Красноярске рынок плачет —
Не купить нигде удавки.
Люди ничего не значат,
Стоном стонут у прилавка.
След мышинный на суглинке,
Отпечатки просто четки.
Что же нового в глубинке
У безродной вдовой тетки?

X X X

Не мне разгадывать погоду,
Тебе — считать за годом год.
Нам неизвестно, кто дает
Советы мне и садоводу.
А на заре твои сады
Пылают жаром, пламенеют.
Теперь трудов моих плоды
Неимоверно тяжелеют.
Вот так — черед за чередом,
До безвозвратного заката.
Как два неразделимых брата,
Мы отягощены трудом.

Х Х Х

Чернеют пламенные строки,
Дрожат и тлеют на бумаге.
Приходит час. Исходят строки.
Уж места нет моей отваге.
Зияет мой пустынный остов,
Порыв души моей снимая,
Мой потонул цветущий остров
Среди бушующего мая.

А кругом слякоть

Мне от имени народа
легче правду говорить:
«Братство. Равенство. Свобода. -
Будем лучше всех мы жить!»
 Этой знамени корону
 Никому я не отдам
 Круговую оборону
 Сам себе теперь создам!
Наша милая привычка
Помогала долго жить.
В каждой дырочке затычка,
Потому её продам.
 И куплю себе обнову,
 Буду гордо щеголять.
 «Вклад какой ты внес в основу
 Государства?...» И опять
Все закрутит в круговерти,
Круг затянет черный дым.
Надоело все до смерти
Старикам и молодым.
 А кругом такая слякоть —
 Ни проехать, ни пройти.
 Будет ветер горько плакать
 Обойденному в пути.

Х Х Х

Мне б по ягодному полю
Пробежаться не грешно.
Запахом малины вволю
Надышаться заодно.
И березы, как невесты,
Стайкой свах окружены.
Их движения и жесты
Поразительно нежны.
Чуть поодаль на пригорке
Дуб стоит, как холостяк.
В дом войти б и крикнуть «горько»,
Да уперся о косяк.
Женихи вчера на пойме
Загуляли допоздна
Свадьбы... свадьбы... Песни пойте!
Водки- море... Пей до дна...

Мне с невестами по полю...
Прогуляться не грешно.
Запахом малины вволю
Надышаться заодно

Х Х Х

Я не отдам тебя другим —
Проставлена чужая дата.
Я завяжу узлом тугим
Неизверженного супостата
Ему твой мир не объясним.
Сюда идут уже другие.
И я легко расправлюсь с ним
И затяну в узлы тугие

В сущности человеческое существо
одинаково повсюду: и на Западе, и
на Востоке

Х Х Х

Не мстила, верила, карала
От Сулавеси-до Урала,
От Златоуста до Сеула
Темно от шепота и гула.
Их улицы тесны и узки.
Их соблазнительные блузки
Зовут и манят на задворки.
Закройте окна на затворки.
И от Кореи до Непала
С глаз незаметно темень спала.
И в реку камешки кидая,
Иду я берегом Китая.
Иду уверенно, упрямо,
Иду то в сторону, то прямо.
Какая может быть граница,
Когда кругом родные лица:
Бурят, казах, японец, русский?
Хотя проход здесь очень узкий —
Нет ни заборов и ни тычек,
Ни забастовок и ни стычек.
И от сосны до эвкалипта,
От книги и до манускрипта,
От Годавари* до Амура
Благоприятствует аура.

*Сулавеси — остров в Индонезии

* Годавари — реки в Индии

Венок скорби сыну

Мой свободолюбивый, гордый дух,
Не ты ль убит сегодня горем?
Умолк мой голос и ослаб мой слух,
И час прощальный слишком горек!
Я плачу горькими слезами, бог,
И стон мой будит всю Россию.
Мой сын ушел навечно за порог.
Быть может, там увидит он Мессию.
Он ушел красивым, молодым,
Прощаясь, не сказал ни слова.
И плыл над ним голубоватый дым.
Он уходил и возвращался снова.
Хотел он что-то ласково сказать,
Взглянул он нежно и тревожно.
Мой сын ушел в могилу почивать,
Теперь с ним встреча невозможна.
За ним сады цвели, трава росла,
Звезда мерцала на рассвете.
Какая злая сила унесла,
Как мало он прожил на свете!
Оставил дома он свои труды,
А в жизни был он весь в стараньи.
И не вижу я его следы,
И не узнает он мои страданья,
И не затлеет образ его живой.
И пусть друзьям запомнятся отныне,
Теперь я сам взойду его звездой
И светлой памятью о сыне

Х Х Х

По тропинке узкой я к тебе иду.
И ты хохочешь звучным смехом.
И хвойный лес, и камыши в пруду
Ответили мне странным эхом.
И нет тебя и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни.
Далекий отзвук слабо прозвучит
и на твоей безмолвной тризне.
И видится мне, что ты полный сил
И светлых замыслов и воли,
Как будто бы со мной заговорил,
Скрывая дрожь смертельной боли.
Ты радовался, как никто, шутил,
И в душных стенах задышался.
И гостью страшную к себе пустил,
И с ней наедине остался
Той жизни цену принимая.
Не нам идти к позорному столбу,
Чуть-чуть знамена поднимая.
И не тебе в могиле почивать —
Тогда пришло к тебе прозренье.
На этот раз никак не миновать
Великодушное прозренье.

Х Х Х

Мой сын любил сосновый бор,
С ним вел душевный разговор.
У всех прохожих на виду
Купался он в лесном пруду.
Зимой катался он с горы
Под смех веселой детворы.
И им показывал пример,
Не зная устали и мер.
И говорил он напрямик:
«Чтоб вновь вернуться в Кутулик,
Объеду села, города.
А здесь останусь навсегда.
И я Вампилова не знал,
Пока отец не доказал,
Что наш земляк был так велик —
За ним и значит Кутулик».
И сын мой был душой ребят.
Теперь в глазах моих ребят
Его цветистые луга,
Над лесом радуга-дуга
Музейный сад и отчий дом,
В котором мы давно живем.
Мой сын, как все, дружил ,мечтал
В траве валялся, загорал
И так страдал, когда в Чечне
В чужой, далекой стороне
И где тропы крутой изгиб
Друг Веретенников погиб.

Х Х Х

Мой сын ушел от нас под вечер
Из жизни этой к жизни той.
А здесь пахнуло пустотой
Тоской и болью человечьей.
Среди сегодняшней зимы
Не уберечься от сумы
И от распахнутых могил...
Порой не так желанья плыли
И все же как прекрасны были
Мечты, надежды, чем он жил.
Мой сын ушел от нас к черте:
К пределу, бездне, пустоте.
И мир, где трудно так он жил,
Прощальным светом озарил.

Вдохни греаль*

Тоска. Хандра. Потом — восторг.
Давно свой договор расторг
И все признания исторг.
Неописуем мрачный торг —
Охватит их молва другая.
 Пустили мы коня в галоп.
 За нами пенье, хохот, хлоп.
 В бега ударился холоп —
 Неудержимый остолоп,
 Смеясь над нами и ругая.
Не остановимся в степи.
Еще немного потерпи.
Ты слышишь громкие удары!
Такая ширь. И ни души.
Настигнут нас. И здесь в глуши
Мне не минуем жесткой кары.
 И жизнь. И смерть. Друзья. Враги.
 Не видно впереди ни зги.
 Назад свои мосты не жги.
 Ты слышишь звонкие шаги,
 Неутомимый покровитель!
 Меня дела уносят вдаль.
 Исчезни, светлая печаль,
 Ушедших лет ничуть не жаль
 Вдохни в меня ты жизнь, Греаль,
 От зол и бед освободитель!

*Греаль — помогающий убогим.

Х Х Х

Что толку в том, что единица
Уже обласкана до пят,
И не разгаданные лица
Из пепла серого глядят,
Что беспредельные запросы
Меняют образ жизни, быт,
Что задаю тебе вопросы,
Я всеми богами забыт?
А суть-то в том, что есть причина
Умножить мысли и дела,
Что б золотая середина
Определенностью была

Х Х Х

Что за дело
Мне безвыездно сидеть?
Надоело
Лгать, соперничать, терпеть.
Где мой молот?
Дайте мне ударить им.
Мир расколот.
Хаос. Я непогрешим.
Я на блюдо,

совесть выложу, поверь!
Что за чудо —
Распахнулась настезь дверь!

Х Х Х

Суда не потонули —
И я живу.
Деревья не сгорели —
И я дышу.
Умели — не имели,
О том пишу.
Непросто удаётся
Писать стихи.
И отвечать придется
За все грехи.
За правду и не правду,
За зло, добро,
За красную награду,
За бес в ребро.
Но истина ранима,
Есть жизнь пока.
Живым необходима
Моя рука.
От хижины до храма
Все колеса,
Да возрастает из хлама
Россия вся!

Х Х Х

Орел двухглавый в лапах
На кромке тишины
И неуловимый запах
В предверии весны.
Легко. Приятно. Ложно.
И горе — не беда.
Не трудно и несложно,
Так было бы всегда.
Сливались в гуле страшном
И небо, и земля.
В сражении вчерашнем —
Обломки корабля.

Х Х Х

Тень сумрачного зала.
Безлюдье. Тишина.
И краешек квартала
Чуть виден из окна.
Симфония стихии
И лето. И зима.
Как краешек России,
Россия здесь сама.

Х Х Х

Не смею
Я лгать.
Умею
Прощать.
Мне больно
Смотреть.
Довольно
Терпеть.
Дай право
Спросить,
Направо
Скосить
И снова
Поднимать.
Есть слово
Опять:
«Держите
Свой шаг,
Несите
Свой флаг!»
Уступит
Иль нет —
Наступит
Рассвет.
Стихия
Пройдет.
Россия
Встанет!

Х Х Х

Раздоры. Тревоги.
И ясные дни.
Прошел полдороги.
Ну, где же они?
Решили в подмогу
Запрячься в хомут.
К родному порогу
Меня подвезут.
И вторгнутся с гневом
В мой замкнутый круг.
И страстным напевом.
Разбудят округ.
Удачи, отваги
Нет в жизни пока.
И белой бумаги
Коснулась рука.
Пишу скоротечно
Баллады, стихи,
Романы, конечно,
Вверяя в грехи.
Я знаю, все будет:
Признание, успех...
И сонного будет
Разгаданный смех.

Решается разом,
А может быть, нет.
Да здравствует разум!
Да здравствует свет!

Х Х Х

Неба синь. И день морозный.
Синий снег. Полозьев скрип.
Кто навстречу мне? Обозный.
Лошадиный слышу хрип.
Хрип летальный. Храп здоровый.
Синий тянется обоз.
Век двадцатый. Век суровый.
Святки. Нищенство. Мороз.
Что вижу? Волк голодный.
За обозом следом в след.
Что ты скажешь, благородный,
Если б умер твой сосед?
Ты, моя Россия, лошадь —
Тянешь свой тяжелый груз.
Выйдем мы с тобой на площадь
Крикнем: «Что наделал ты, Союз?»

Х Х Х

Уйдем к заброшенному лесу,
Где не преследует разлад.
Пройдя железную завесу,
Мы свой найдем тяжелый клад.
Он будет весь из перламутра
Сиять, лаская свежий глаз.
«Земля и люди, с добрым утром!»
Я повторяю сотый раз.

Х Х Х

В моих глазах загадочные зигзаги.
В пустыне их затерян след.
И где мои библейские бумаги?
Кто выкрал? Может быть, сосед?
Обшарил я все дно подвала
И поискал на чердаке.
Я их нашел в углу завала
В давно забытом тайнике.

1997 г.

Х Х Х

Мелкий дождик барабанит
В нераскрытое окно.
Словно сердце кто-то ранит —
То светло и то темно.
Загляну я в подворотню,
В палисадник, в конуру.
И в большую сковородню

Мелкий дождик наберу.
Буду тихо, молчаливо
Поливать дождем цветы,
Что за счастье, что за диво —
Вдруг ко мне явилась ты.
Постою я у забора.
Буду думать об одном.
Всех прохожих без разбора
Опрокину кверху дном:
Леших, бешеных, рогатых,
Обездоленных, хромых,
Новоявленных богатых
И обиженных немых.
Не прошу я прав у власти.
Сяду сам я за престол.
Вот улягутся все страсти —
Приглашу: «Садись за стол!»

Х Х Х

Мне за воротник накапал
Дождь серебряный, слепой.
Кто смеялся, кто-то плакал
Над обиженной судьбой.
Вот еще одна загадка —
То ли будет, то ли нет,
То ли горько, то ли сладко,
То ли сумрак... уж рассвет.

Х Х Х

Россия — не мачеха,
А строгая мать.
Куда она катится
Её не понять.
Но дайте мне силушку
Назад повернуть.
Она — моя Сивушка,
Её не спугнуть.
Явись её мужество,
С ним вместе сама.
Под страстную музыку
Путь сходят с ума.
Пусть пляшут и бесятся
На гребне волны.
Высокая лестница
До самой луны.
Россия — не мачеха,
Куда она катится?
Её не понять.

Явление к Христу

Я был доволен и беспечен.
Всем нужным в жизни обеспечен.
Я был избалован, изнежен —
Мой путь к Христу был неизбежен.
Теперь легко пишу баллады.
И кто читал их, были рады.
Но я не этим им любезен
И благороден, и полезен.
Покоя нет. Твержу иначе.
Я плачу собственной удаче.
И день, и ночь шепчу молитву
За правду я иду на битву.
За ложь горю в костре. Крещенье
Приму я в это воскресенье.

Открыл окно

Открыл окно. И вдруг
В душе моей прозренья:
Услышал птичье пенье,
Увидел лес и луг
И озеро вдали
Над краешком земли.
И речка, как стекло,
Блестит на солнце ярко.
На улице светло.
И вот прошла доярка.
Туман на белом поле
Росу несет в подоле.
И во дворе петух
Закукарекал звонко.
И заиграл пастух
Мелодию негромко.
И засиял лучом
Палитра перламутра
И полнится трудом
Своим в деревне утро.

Почему такая разность

Заблуждаюсь я в канале
Политических интриг.
Простолюдина в канаве
Я увидел между риг.
Спотыкаясь, шел он слепо.
Шел назад и шел вперед.
И детей его нелепо
Ожидает свой черед.
Дом не дом, но вид сарая...
Горемыка здесь живет.
И отбросы собирая,
Подтянул он свой живот.
Видел я дворцы, хоромы

Видел их хозяев — знать.
У Крестьянинова Ромы
Попытался разузнать:
-Господам такая праздность.
Ты по праву сам не свой.
Почему такая разность
Между вами, друг ты мой?
Не ответил бедолага
На коротенький вопрос.
Побледнел он, как бумага
К своему крыльцу прирос.
Поклонюсь ему, как богу.
Перед ним сниму картуз
Уступлю ему дорогу,
Козырь мой бубновый туз.

Путешественник веселый

Затяни потуже узел,
Путешественник веселый!
Свой маршрут ты красиво сузил,
Обходя деревни, села.
...Что? Не нравятся их лица:
Уши, рот и голова?
Какова теперь столица,
Златоглавая Москва?
 - Пошумит и похочет.
 Тут приедем не до сна.
 Рана слишком кровоточит,
 Рана рваная одна.
 А в Саратове спокойно
 Огней много золотых.
 Примет Вологда спокойно
 И таких, как ты, других.
 В день погожий в Барнауле
 Было просто невдомек:
 В страшном скрежете и гуле
 Все пустились наутек.
Неужели мы напрасно
Возводили города.
Что не зелено, то красно —
Красно в прошлые года.
Затяни потуже узел,
Путешественник веселый!
Ты маршрут намного сузил,
Обходя деревни, села.

На кладбище

Безветренный день. День погожий.
Кладбище. И нет ни души.
В одной деревенской глуши
Я только один здесь, прохожий.
 Покоятся братья Козловы
 Навеки в родной стороне...
 ... И оба погибли в Чечне.
 Нет силы мне вымолвить слово.
Надгробные плиты. Ограда.
Кто слышал предсмертный их крик?
И я почему-то не вник
В подробности сущего ада.
 Стою. Тишина на кладбище.
 Кругом обозримы поля.
 Своя приняла их земля.
 В святое своё пепелище.
Лежит от деревни дорога
И прямо к воротам лежит.
Высокая стела молчит.
Кресты... И скамья колченога.
 «Прохожий!» Не плачь и не прячься! –
 Так шепчут березы листвою.
 В снегу утопая, зимой
 Придут незнакомцы поклясться.
А летом проедет телега.
И кто-то случайно пройдет.
Своей головой припадет
У вечного братьев ночлега.

Коснется рассвет

Жестокий век. Кровавый век.
Сойдет светило с колеи.
И слезы горькие твои
Прольются с запаленных век.
На сгорбленные спины их,
Земли чужой глубокий шрам.
Их поведут в священный храм,
Голодных и глухих.
Слепых укроет Исполин
И тайно выведет на свет.
Коснется радужный рассвет
Российских сумрачных долин.

Лукулловский пир

В туманном разрезе
Таинственный мир
В вороньей трапезе
Лукулловский пир.
Кому-то хоромы,
Кому-то сарай.
Из спелой соломы
Пеки каравай.
А кто еще дышит?
И кто-то помрет.
Никто не услышит –
Зажмите им рот.

Опять по кругу

Твоим отсутствием томим
И отрешенностью раним
Свои залечиваю раны.
Твоим присутствием храним
И солнцем истины маним
Я уйду в иные станы.

Я – пленник в взвинченном кольце.
В кругу начало есть в конце.
Его раскручивать не надо.
В пустой избе или во дворце
Бесценный клад мой есть в ларце –
Тебе заветная награда.

И розы красные в окне
Тебе напомнят обо мне –
И все пойдет опять по кругу.
На белом взмыленном
Я мчусь в пустынной тишине
Навстречу вверенному другу.

Х Х Х

Кого-то можно одурачить,
Кого-то можно соблазнить,
Кого-то можно озадачить –
При этом правду говорить.
В стране безнравственной, бесправной
Любого можно провести,
В стране холодной, православной
Законы божьи обойти.

Чечня

В предгорьях дикого Кавказа
Увидел два огромных глаза
И слезы горькие текли.
В расщелины святой земли.
Под грозный грохот канонады
И зданий рушились громады
Дороги, люди и мосты
У неразумной черты.

Разгневанный, суровый Терек
Гнал волны бурные на берег.
Над ним всплывали тучи грозно
Ачхой-Мартан, Аргун и Грозный
Вставал мрачно на пути.
В какую сторону идти
В раздвоенной судьбой Чечне.
В разбушевшемся огне.

И крикнул я четыре раза
В предгорьях дикого Кавказа:
«Чечня, ты больше не гневи
Во имя братства и любви!
И волны светлые на берег
Бросай разбуженный ты, Терек!
Сложи ружье и будет мир.
С тобой вдвоем закатим пир!»

Россия, верь!

Зачем вчера ты вызвал споры
Среди беснующей толпы?
Зачем задвинул в окна шторы?
Не будет здесь моей стопы.
Кругом разлад, разбой, разлука
И много мелочных измен.
Нас учит доброму наука
В часы неверных перемен.
Россия верь! Твои заботы
Меня тревожат. Предо мной
Дома и люди, и заборы
Меняют скупой облик свой.
И где моя дорога к дому.
Та, что петляла меж осин?
Плыву я к берегу иному
Плыву.

Плыву.

Плыву один.

Огонь и звезды

Огонь и звезды... Звезды и огонь...
Вы видели их отблеск на планете?
Явись на зов, как Сивка, белый конь.
Мы их опять разбудим на рассвете.

Так привлекателен огонь миров –
Мы побываем в Токио, в Париже.
И воздух так прозрачен и суров,
Что звезды над огнем крупней и ниже.

И догорел под звездами огонь
И мир застыл в недолгой перекличке.
Ну, где же ты теперь, мой белый конь?
... не то, уеду на электричке...

Х Х Х

Идущий дорогу, осиль!
Никто не поймет... Это зря...
А встречные просто спросили:
«Куда ты – ни свет, ни заря»
И встречные просто спросили.
И кто-то надрывно кричал.
В деревню тебя не пустили
И город тебя не принял..

Тень

И дольше века длится новый день.
К моим ногам упала тень.
Она к закату все длинней.
И нет отметины на ней.
Она преследует нас по пятам:
Сегодня – здесь, а завтра – там:
В погожие безветренные дни
Сады и здания в тени.
В тени прохожие, и я, и ты
В тени дороги и мосты
И наши души горькие в тени
В безрадостные дни.
И от нее избавиться нельзя,
Вздываясь, падая, скользя.

Х Х Х

Откройте шире
Истории окно!
- А что там в мире?
- Не рассвело. Темно.
И ветер века –
В тугие паруса.
У человека
Есть время в полчаса.

Х Х Х

Мать моя, великая держава.
Не окажу ей общих фраз.
Молот, серп, косу она держала
В колыбели первый раз.

Молодость качалась, как каюта.
Шли снега и шли дожди.
Как ни странно, нет нигде уюта,
Словно сумрак впереди.

Канули лета мои без веры.
И в глазах моих туман:
Полу... полулюди, полумеры.
Полуправда и обман.

Голос мой теперь слабее писка.
Кто услышал слабый крик?
Рано был я вычеркнут из списка.
И поэтому безлик.

Х Х Х

Не мной отторгнутое племя,
О вас не то теперь пою.
Мои товарищи и время,
Верните молодость мою.

И буду ставить я рекорды
В работе, в спорте и в быту.
В душе моей звучат аккорды,
Не пополняя пустоту.

На Гималаях, на Памире
Вершины есть. И им звенеть.
Я в этом светлом бедном мире,
Про жизнь иную буду петь.

Х Х Х

Смиренье нарастает гневом,
И пуля дышит у виска.
И сердце полнится напевом —
Коснулась легкая рука,
Еще минута промедленья...
Курок взведен был до конца.
И суток смутное явление
У кругосветного кольца.

СОДЕРЖАНИЕ

Вернусь.....	2
От составителя.....	3
Человек. Поэт. Журналист.....	3

ЗЕМЛЯ РОДИМАЯ. ОТЦОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

Отцовская земля	5
Утро	5
«В ночной тиши...»	5
Моя Сибирь	5
Широка Сибирь	6
В родном краю	6
На полевом стане	7
Придем сюда	7
Кузнец	7
Агроном	8
Косари	8
«Тропинкой узкой...»	9
Мы все из детства	9
Парни	10
Земля	11
На дальнем севере.....	11
«Недописанная повесть...»	12
«И нет на свете той земли...»	12
Рождество	12

СОЧИНЯЛА ЮНОСТЬ СТАНСЫ

Эхо детства.....	14
Юность.....	14
Выпускнице.....	15
«Неразгаданная лунность...».....	15

ЛЮБЛЮ Я СИНИХ РЕК ИЗЛУКИ

Перед грозой	16
В зимний вечер	16
«Шелестом сонным шумят...»	16
«Опустело вокруг...»	17
«Чуть глянет утро ясным небом...»	17
«Безветренно. Летнее утро...».....	17
«Берез белеющая стайка...»	17
«Хорошо бродить по узким тропкам...».....	18
«За Неманом тихим...».....	18
Снег	18
«Идет ребенок, словно юный бог...».....	19

«Прозрачен воздух сентября...»	19
«Травы ангарские буйные...»	19
«Полвека мне...»	19
«Вдали от шумных поселений...»	19
«Октябрь. Уж улица бела...»	20
«Поля, равнины, горы...»	20
«Старая аллея...»	20
«Веток солнечные почки...»	21
«Я не могу опять...»	21
«Зачем мне шумные вокзалы...»	21

ЛЮБВИ МИГ – ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ, ОСТАНОВИСЬ НА ПОЛЧАСА...

Где встречаюсь?	22
«Я знал тебя всегда такой...»	22
В осеннюю пору	22
Что за милость	23
У меня посиди	23
«Дружбу с тобой не порвали...»	23
Почтальон	24
У реки	24
В городе моем	24
Трамвай	25
От тебя зависим	26
Иду	27
Сон. Неверие. Иль забытье	27
«Почему ты проходишь мимо? ...»	28
«Я ушел от тебя в закат...»	28
«Я за тобой иду медленно...»	28
«Эхо акало...»	28
«Падал снег на крыши...»	28
«Эй, вы сизые голуби...»	29
«Куда ты делась? Где ты скрылась...»	29
«Пристань...»	29
«Белый мой, белый автобус...»	29
«С тесных крыш...»	29
«Нарисовать бы тебе весну...»	30
«Поют капли влюблено...»	30
«Что-то творится со мною...»	30
«Что хочу, ворочу...»	30
«Сад мой в сиянье...»	30
«С улицы доносится...»	31
«Мой дом. Акаций ветки голы...»	31
«Листва опала...»	31
«Последний луч...»	31

ИЗ АРМЕЙСКОЙ ТЕТРАДИ

В вагоне	32
Солдатские будни	32
Песня	33
В вечерний час	33
За шахматной доской	33
На ученье	34
На ученье рота шла	34
В часы досуга	34

**БУДУ БИТЬ Я СВОЙ НАБАТ
И ДЕНЬ, И НОЧЬ, И ДЕНЬ И НОЧЬ...**

В новый год	35
Вязкая дорога	36
«Слышатся звуки органа...»	36
Не надо войны	36
«Пологий берег, Ангара...»	37
«Надену белую сорочку...»	37
Труд Алари	37
Пишу	38
«Горе ходит где-то рядом	38
«Стою, как Алладин ...».....	38
«Мчатся кони, выются кони...».....	39
«Надо только малость...».....	39
«Со мною что-то стало...».....	39
«Утром без толку все хлопочу...»	39
«Чиркну в холодное небо...»	39
«Ни много, ни мало – три срока...»	40
«Будто в тумане плыву...»	40
«Родом я из здешних мест...»	40
«Витал бог в темном небе...»	40
«Деревья судорожно заметались...»	40
«Гурий на пегой кобыле...»	41
«Скрипка Паганини...»	41
«Твоя восточная палитра...».....	41
«У мечты есть крылья...»	41
«Скажи, художник небесный...».....	41
«Догорел в деревне пруд...»	42
«И пойдет молва худая...».....	42
«Рядом сядь со мной. Поговори...»	42
«К утру уничтожив набросок...».....	42
Строки мелеют	42
«Научи меня летать...».....	43
«Если б знал какие числа...».....	43
«Книги, живопись, искусство...»	43
Европа.....	44
В библиотеке имени А.Вампилова	44
Кто-то	45
«Буду долго я еще гулять...»	45
«Смятенья, аншлаги...»	45
«Ни солнечных бликов...».....	46
«Не ролью в пример обрастаешь...».....	46
«Улица моя так узенька...».....	46
«Скверы, здания, мосты...».....	47
Не вспомнить мне о лучшем годе.....	47
«Ты, одаренный труженик искусства...».....	48
«Черный, черный лист...».....	48
«Отыщется где-нибудь место...».....	48
«В пустыне замкнутого круга...».....	48
«Поднимем тяжелые руки...».....	49
«Выговор- в заслугу мне награда...».....	49
«Что-то светится там в ночи...».....	49
«Кому со мной отратно лицемерить...».....	50
«Не знаю, все как-то двоятся...».....	50
«Чудно мнится ветка голая...».....	50
«Я какую траву подминаю...».....	50
«Все помыслы направлены на поиск...».....	50

«Нам с драконом бесполезно биться...»	51
«Я спросил у своего желудка...»	51
«Я слышу странствующий голос...»	51
«Голос непривычно гулок...»	51
«Явись ты в мрачную минуту...»	52
«Облака белее ваты...»	52
«Не мне разгадывать погоду...»	52
«Чернеют пламенные строки...»	53
А кругом слякоть	53
«Мне б по ягодному полю...»	53
«Я не отдам тебя другим...»	54
«Не мстила, верила, карала...»	54
«Венок скорби сыну...»	55
«По тропинке узкой я к тебе иду...»	55
«Мой сын любил сосновый бор...»	56
Мой сын ушел от нас под вечер	56
Вдохни Греаль	57
«Что толку в том, что единица...»	57
«Что за дело...»	57
«Суда не потонули...»	58
«Орел двуглавый в лапах...»	58
«Тень сумрачного зала...»	58
«Не смею...»	59
«Раздоры. Тревоги...»	59
«Неба синь. И день морозный...»	60
«Уйдем к заброшенному лесу...»	60
«В моих глазах...»	60
«Мелкий дождик барабанит...»	60
«Мне за воротник накапал...»	61
«Россия – не мачеха...»	61
Явление к Христу	62
Открыл окно	62
Почему такая разность	62
Путешественник веселый	63
На кладбище	64
Коснется рассвет	64
Лукулловский пир	65
Опять по кругу	65
«Кого-то можно одурачить...»	65
Чечня	66
Россия верь	66
Огонь и звезды	67
«Идущий дорогу, осиль!...»	67
Тень	67
«Откройте шире...»	67
«Мать моя, великая держава...»	68
«Не мной отторгнутое племя...»	68
«Смиренье нарастает гневом...»	68

